

ПО ПОВОДУ

ТОНИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

ВЪ

ВЪ СЛАВЯНСКОМЪ НАРОДНОМЪ ТВОРЧЕСТВѢ.

Ѳедора Истомина.

EB_1883_SLAVFOND_SF4201

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

(Вас. Освр., 9 л., № 12.)

1883.

Русскихъ и инославянскихъ изслѣдователей въ области народнаго творчества уже издавна занималъ вопросъ объ основныхъ законахъ, на которыхъ зиждется это творчество. Не мало отдельныхъ трудовъ явилось результатомъ специальныхъ изысканий по этому вопросу; не мало также краткихъ замѣчаній разсѣяно по другимъ трудамъ, соприкасающимся съ этой областью; почти каждый собиратель памятниковъ и образцовъ народнаго творчества считалъ долгомъ охарактеризовать его существенные черты. Вопросъ этотъ, можно сказать, уже имѣть свою исторію, отдельные періоды своего развитія.

Если прослѣдимъ это развитіе по русскимъ наиболѣе выдающимся трудамъ, то замѣтимъ, что вопросъ этотъ переживаетъ теперь уже вторую эпоху своего существованія. Первая эпоха, охарактеризованная, такъ называемою, тоническою теоріею, впервые научно установленную въ 1817 году А. Х. Востоковымъ¹⁾ и развиваемую другими изслѣдователями²⁾, имѣла своимъ послѣднимъ представителемъ В. Классовскаго, издавшаго свой трудъ въ 1863 году³⁾. Всльдъ за появле-

1) «Опытъ о русскомъ стихосложеніи». Спб. 1817.

2) Самсоновъ. «Краткое разсужденіе о Русск. стихослож.» Вѣстн. Евр. 1817. Авг. № 15, 16, стр. 219. Срезневскій. «Мысли объ Истор. Русск. яз.» 1849, гл. VII. «Нѣск. замѣч. объ эпич. размѣрѣ нар. Слав. пѣс.» Изв. Ак. Н. 1861. Перевалескій «Русск. Стихослож.» Спб. 1858.

3) «Версификація». Спб. 1863.

віемъ еще двухъ трудовъ¹⁾, повторившихъ въ главныхъ чертахъ своихъ учения Востокова и Классовскаго, вышло въ свѣтъ сочинение г. Шафранова, первоначально помѣщенное въ Ж. М. Н. Пр. за 1878 и 1879 гг.²⁾. Это сочиненіе, вмѣстѣ со статьей г. Вестфalia³⁾ и «Объясненіями» къ своему сборнику русск. пѣсень Мельгунова, направило рѣшеніе вопроса на другой путь. Отрѣшившись всецѣло отъ тонической теоріи, основывавшейся на удареніяхъ, эти изслѣдователи главное основаніе, на которомъ строится народное творчество русское, полагаютъ въ музыкѣ, въ напѣвѣ. Такимъ образомъ вторая эпоха характеризуется теоріею музыкальною, напѣвною.

Научное движение впередъ, конечно, не даетъ права считать этотъ вопросъ законченнымъ и въ настоящее время; до окончательного рѣшенія ему предстоитъ, быть можетъ, пережить еще не одну эпоху своего развитія; хотя едва ли можно предвидѣть обратное его движение, т. е. возвращеніе къ теоріи тонической. Тѣмъ не менѣе попытокъ такого рода нельзя не замѣтить. Онѣ объясняются, правда, трудностью отрѣшившись сразу отъ теоріи, державшейся такъ долго и считавшейся наиболѣе удобною и примѣнною по своимъ вѣнчанимъ качествамъ къ воспроизведенію нар. творчества, какъ русскаго, такъ и славянскаго вообще; съ другой стороны, попытки эти объясняются, конечно, и тѣмъ, что вновь предлагаемыя теоріи, не исчерпываютъ вопроса во всей его сложности, нося, по преимуществу, частный характеръ; онѣ имѣютъ въ виду только пѣсни, и то въ періодъ «голосоведенія», оставляя въ сторонѣ другія проявленія этого творчества, какъ пословицы и поговорки, такъ и пѣсни не во время «голосоведенія» только, но въ широкомъ смыслѣ, т. е. годныя и для плавнаго, размѣрнаго чтенія.

Обращаясь къ трудамъ славянскихъ изслѣдователей, мы найдемъ, что и тамъ не мало было попытокъ къ рѣшенію этого вопроса. Начавшись еще съ конца прошлаго столѣтія, попытки эти дали представи-

1) Олесницкій. «Риѳмъ и метръ въ ветхозавѣтной поэзіи» Труды Киевск. Дух. Ак. Сент. 1872. Лебедевъ. «Стилистика». Филол. Зап. 1877, вып. 5 и 6. Прил., стр. 48 и сл.

2) «О складѣ народно-русск. пѣсенной рѣчи, рассматриваемой въ связи съ напѣвами».

3) «О Русской народной пѣснѣ». Русск. Вѣстн. Сент. 1879.

телей, главнымъ образомъ, четырехъ возврѣній¹); одни изъ нихъ основывали творчество народное на количествѣ, т. е. на долготѣ и краткости гласныхъ, перенося это начало пѣзъ древнеклассической метрики²); другіе главною основою признавали удареніе, или проводя аналогію между повышаемыми и понижаемыми слогами съ одной стороны и долгими и краткими съ другой³), или же независимо отъ долготы и краткости гласныхъ⁴); третыи считали существеннымъ число слоговъ и діерезы (*broj slovaka i odmon*)⁵), и наконецъ четвертые придавали рѣшающее значение напѣву и мелодіи⁶).

Ознакомившись съ этими воззрѣніями, мы увидимъ, что и здѣсь болѣе или менѣе рѣшительно высказались уже противъ тонической теоріи, признавъ ея неудовлетворительность. «Всѣ признаютъ, что измѣряя стихи обычнымъ удареніемъ, получимъ много стиховъ неправильныхъ»⁷.

Но рядомъ съ двумя новыми теоріями славянскими, пытающимися замѣнить тоническую, все таки нерѣдки сужденія и объясненія раз-

1) См. L. Zima. «Načrt naše narodne metrike». Rad. Jugosl. Ak., knj. 48., 1879 стр. 202.

2) Katančić (*fructus auctumnales*, 1794), тамъ же стр. 172. Jov. Subotić. «Nauka o srbskom stihotvorenju». U Budimu. 1845, тамъ же, стр. 174.

3) L. Milovanov Georgijević. «Opit nastavlenja k srbskoj sličnoročnosti itd.» 1810. см. тамъ же, стр. 172. P. Šafařík, «Gesch. d. slav. Sprache u. Literat.» 1826, тамъ же, стр. 173. Ad. Veber-Tkalčević, u «Skladnj ilirskoga jezika za nižu gimn.» 1859 u «Književniku» god. 1864, str. 322, i god. 1865, str. 96 u «Slovnici hrvatskoj za srednja učilišta», 1873. См. тамъ же, стр. 178. Vincen Pacel. u «Književniku» god. 1864, str. 314, тамъ же, стр. 183. Gj. Maletić. «Teorija poezije». Biogr. 1868, тамъ же, стр. 185. Ferdo Pažur. «O desetercu junačkih naših pjesama» (u izvješću o kr. vel. gimn. u Osieku god. 1873), тамъ же, стр. 187.

4) J. Trnski «O našem stihotvorstvu» u «Viencu» god. 1864, тамъ же, стр. 189. Fr. Miklošić. «Volksepik der Kroaten», 1870, тамъ же, стр. 186. Fr. Petračić u «čitanke za v. gimn.» kn. I, u Zagr. 1877, тамъ же, стр. 198.

5) P. Berić. «Srb. Ljetopis.» god. 1880, IV dio, i 1881, I dio, тамъ же, стр. 173. Jan Kollar. «Narodné Spivanky», Budim 1834—35, (II knj., str. 479), тамъ же, стр. 176. L. Zima. «Metrika srb. nar. pesama uporedjena s primerima iz drugih slov. nar. pesama» u progr. vel. gimn. Karlovačke, g. 1874 i 1875), тамъ же, стр. 191 и цитуемое здѣсь сочин. того же автора. A. Veber. «Nješto o pjesničtvu hrvatskom», u Rad Jugosl. Ak., kn. 40, 1877.

6) Jak. Grimm. u recens. I kn. Srb. nar. pjes. od V. St. Karađž. (u Wien. Allg. Liter. Ztg. 1816, Sept. № 74), тамъ же, стр. 173. V. Jagić, u česk. naučn. rječniku, u članku «Jihoslované», (dio IV, str. 855), u «Književn.» god. 1864, тамъ же, стр. 181. Petar Budmani. «Još jedan pokušaj o našoj nar. metrići», (u izv. o. c. k. viš. dubrovačk. gimn. g. 1876).

7) L. Zima, тамъ же, стр. 202.

личныхъ явлений изъ области нар. творчества, — основанныя на признаніи ударенія однимъ изъ главнѣйшихъ и рѣшающихъ элементовъ этого творчества.

Такая устойчивость этой теоріи заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, того, чтобы остановиться на ней съ большимъ вниманіемъ и, по возможности, выяснить тѣ причины, въ силу которыхъ она такъ рано привилась и такъ долго держится подъ напоромъ новыхъ мнѣній, по-видимому, рѣшительно ее опровергающихъ.

Вопросъ объ удареніи, какъ главной основѣ этой теоріи, въ примѣненіи къ нар. слав. творчеству, требуетъ, конечно, болѣе серьезнаго обсужденія и болѣе тщательной разработки, чѣмъ та, которую можетъ дать настоящая статья, ограниченная, такъ сказать, обстоятельствами времени и мѣста. Не смотря на это, мы, всетаки, беремъ на себя смѣлость сказать нѣсколько словъ по поводу этого вопроса, заранѣе извиняясь за неполноту, отрывочность и, быть можетъ, неубѣдительность соображеній, представляемыхъ здѣсь на судъ.

Весьма важно и интересно прослѣдить, какими мотивами руководились первые вводители въ слав. творчество именно тонической теоріи.

Первая попытка объяснить законы нар. стихосложенія при посредствѣ ударенія у южн. славянъ, насколько памъ известно, была сдѣлана Л. Миловановымъ Георгіевичемъ въ 1810 г. въ его «Opit nastavlenja k srbskoj sličnogrečnosti...»; сущность его основоположеній заключается въ томъ, что слоги ударные (съ удареніемъ) считаются долгими, неударные (безъ ударенія) — краткими, притомъ и ударные слоги, но съ краткой гласной могутъ въ окончаніяхъ считаться краткими и наоборотъ неударные слоги, но съ долгой гласной могутъ считаться долгими¹⁾. Это же основное правило съ нѣкоторыми частными видоизмѣненіями заключается въ ученіяхъ послѣдующихъ представителей до Трискаго и Миклошича, изъ которыхъ первый въ статьѣ «о наšem stihotvorstvu» (1864 г.) отрицааетъ «staroklasično tjererenje dužine i kratkoče» и признаетъ только «broj slovaka i naglašenu slovku», «ida bude čist odmor» прибавляетъ онъ къ этому²⁾; а второй, въ своей «Volksepik der Kroaten» 1870, говоритъ объ удареніи, уже не ука-

1) Тамъ же, стр. 173.

2) Тамъ же, стр. 189.

зыва на долготу и краткость¹). Наконецъ последний представитель этой теории Фр. Петрачицъ (въ 1877 г.) утверждаетъ, что «и domaćih stilovih gleda se poglavito na ritmičnu izmjenu naglašenih i neaglašenih slovaka²».

Такое же почти движение этой теории можемъ мы прослѣдить и у русскихъ изслѣдователей. Востоковъ начавъ уже, конечно, съ отрицанія классической долготы и краткости слоговъ, и наполовину отказавшись отъ классическихъ стопъ, строилъ свое учение на томъ, что «слоги повышаемые называются у насъ долгими, а понижаемые краткими», прибавляя при этомъ: «хотя и не свойственно бы такъ называть ихъ»³). Почти одновременно съ нимъ писавшій, Самсоновъ говорить о русск. стихосложеніи: «въ немъ наблюдается правильная послѣдовательность высокихъ и низкихъ слоговъ (а не долгихъ и краткихъ, какъ ихъ обыкновенно называютъ)»⁴). Но при этомъ къ употреблявшимся раньше классическимъ стопамъ прибавляется еще новыя: сугубый амфибрахій и пеонъ первый⁵).

Перевльсскій видоизмѣняетъ нѣсколько тоже учение и ставить, при этомъ, во главѣ удареніе «логическое». И. И. Срезневскій и В. Классовскій уже окончательно отрѣшаются отъ классическихъ стопъ, при чемъ послѣдній основываетъ свою теорію на «удареніи стихотворномъ» или «тоническомъ», какъ онъ его называетъ⁶).

Если еще ознакомимся съ тѣмъ, что этимъ ученіямъ предшествоvalо, то для насъ уяснится совершенно та идея, руководясь которой прибѣгли къ ударенію первые вводители тонической теоріи, какъ у насъ такъ и у славянъ. Въ самомъ дѣлѣ, у южн. славянъ мы еще въ 1794 году видимъ попытки къ теоретическому объясненію слав. нар. творч. и практическому примѣненію къ нему всецѣло классическихъ стихотворныхъ правилъ, при чемъ вводилось во всѣхъ подробностяхъ долгота и краткость гласныхъ безъ всякаго отношенія къ ударенію⁷); о такой же точно попыткѣ въ русской литературѣ гово-

1) Тамъ же, стр. 186.

2) Čitaaki za v. gimn., kn. I, str. 6, § 7, см. L. Zima, тамъ же, стр. 198.

3) Опытъ о Русск. Стихослож. Спб. 1817, ч. II, стр. 98.

4) Вѣсти. Евр. 1817, авг., стр. 224.

5) Ibid., стр. 251.

6) «Версификація» Спб. 1863, стр. 41.

7) См. L. Zima, ibid., стр. 172.

рить намъ Востоковъ: «Мелетій Смотрицкій, коего грамматика напечатана 1619 г. въ Впльнѣ, а за нимъ Московскіе слагатели 1648 г. хотѣли дать словенскому языку совершенно греческую просодію»...¹⁾.

Изъ всего этого выясняется слѣдующій путь, по которому шло ученіе о стихосложеніи народнаго творчества у славянъ вообще. Первоначально, какъ видимъ, является попытка подчинить языкъ славянскій правиламъ, выработаннымъ греческими метрѣками, во все ихъ полнотѣ; но вслѣдъ затѣмъ практическое примѣненіе этихъ правилъ убѣждаетъ знатоковъ дѣла въ полной ихъ непримѣнимости; долгота и краткость гласныхъ въ языкѣ слав., какъ оказалось, вовсе не соотвѣтствовала этимъ же свойствамъ въ языкѣ греч., вслѣдствіе чего главнѣйшая часть этого ученія, его внутренняя основа совершенно упраздняется, признается «абсурдною»: Пажуръ доказываетъ «на primjerih absurdnost mjeriti nar. deseterac po kuantitetu»²⁾; но желаніе, во чтобы то ни стало, подвести славянское стихосложение подъ заманчивую по своей систематической разработкѣ метрику греческую, не смотря на полную непригодность ея существенной основы, натолкнуло дальниѣйшихъ изслѣдователей на простой, повидимому, и легчайшій исходъ: тезисы и арзисы греческой метрики, не имѣющіе ничего общаго съ греч. удареніями и основанные исключительно на долготѣ и краткости гласныхъ, отождествлены были со славянскими удареніями, которыя, конечно, иисколько уже не зависѣли, отъ долготы и краткости слав. гласн., особенно такой правильно размѣренной и точно опредѣленной, какою являлась эта долгота и краткость въ языкѣ греческомъ; если и можно было говорить здѣсь о связи удареній съ долготой и краткостью, то развѣ лишь установивъ зависимость между ними совершенно обратную той, которая естественно вытекала изъ метрики греческой, т. е. не ударенія основывались въ слав. яз. на долготѣ, а наоборотъ, извѣстная доля долготы сообщалась слогамъ, вслѣдствіе произвольно поставленного на нихъ ударенія. Но о логичности и точности эти изслѣдователи, какъ видно, и не заботились, ихъ совершенно удовлетворяло это вѣшнее, случайное сходство тезисовъ и арзисовъ греческихъ съ удареніемъ въ словахъ славянскихъ. Греческая скан-

1) Опытъ о Русск. Стихосл., стр. 80.

2) Ferdo Pažur, см. L. Zima, ibid., стр. 187. Восток. «Опытъ», стр. 30, 31. Milovanov. Georgievic см. L. Zima, ibid., стр. 172.

довка со всѣми ея стопами и фигурами, съ одной стороны и безъ всякой внутренней основы съ другой, навязана была славянскимъ народн. стихамъ. Совершенно случайный признакъ былъ сдѣланъ главною основою системы, построенной первоначально на другомъ совершенно основавіи. Для вѣшней связи этихъ системъ съ различными основами стали употреблять формулу: «ударяемые слоги должны считаться долгими, неударяемые краткими», — «da imade u nas naglas prevagu u stihu, t. j. da se naglašene slovke, bile kakova god naglaska, imadu uzeti dugimi»¹⁾.

Но вся нецѣлесообразность такой системы обнаружилась, какъ только изслѣдователи стали относиться съ болѣшимъ вниманіемъ къ вѣшнимъ проявленіямъ законовъ славянского языка; при болѣе тщательномъ отношеніи къ чтенію народныхъ стиховъ стало очевиднымъ то насилие, которому подвергалось это чтеніе, ради того только, чтобы вогнать его въ рамки греческой метрики. «Ni u naših nar. pjesmah, ni u dubrovačkoj knjizi ne ima pravoga traga staroclaščomu mjerenu dužine i kratkoče..... da je u nas ono stih, gdje se naglašene slovke po stalnom nekom pravilu izmenjuju nenaglašenimi»²⁾. «Все еще можно не понимать старого народного стиха и искать въ немъ ямбъ, да хореевъ»³⁾. «Тоническая версификація не имѣеть въ своемъ распоряженіи стопъ, обусловливаемыхъ (напр. въ Греч. стихѣ) долготой и краткостью слоговъ»⁴⁾. «Опредѣлять здѣсь границы между «тоническими періодами» значило бы превращать послѣдніе въ тонико-метрическія схемы (въ ямбы, хореи, дактили и т. д.) для которыхъ нар. стихъ русскій не представляетъ ни прочнаго единообразія данныхъ, ни основаній дѣйствительно обусловливающихъ его ритмъ»⁵⁾.

Представители этихъ заявленій своими учеными упраздняютъ уже окончательно греческую систему, какъ не имѣющую никакой органической связи съ слав. удареніемъ, которое совершенно произвольно и, какъ бы, насильственно положено было ей въ основу.

1) Ibid.; Šafarik. Gesch. der slav. Spr. u. Lit., стр. 173.

2) I. Trnski, ibid. стр. 189.

3) Срезневскій, Изв. Ак. Н. 1861, в. V, стр. 345.

4) Классовскій, «Версификація», стр. 40.

5) Ibid., стр. 44.

Эти учения закончили первый периодъ тонической теоріи, вмѣстѣ съ которыемъ закончились и руководящая идея первыхъ изслѣдователей — воспользоваться готовыми формами греческой метрики для применения ихъ къ славянскому творчеству. Наступилъ новый периодъ; началась разработка новой, самостоятельной системы, основанной, однако, на прежнемъ началѣ, оставшемся въ наслѣдіе отъ предшествовавшей, вполне неудавшейся, попытки.

Что же это за начало и каково его происхожденіе? Новая система, въ тѣсномъ смыслѣ, тоническая, основывалась исключительно на удареніи, безъ всякаго отношенія его къ долготѣ и краткости гласныхъ.

Происхожденіе этой новой основы, т. е. ударенія, для насъ уже теперь достаточно уяснилось изъ изложенного выше.

Оно не возникло самостоятельно, не явилось результатомъ специальныхъ изысканій, не было плодомъ наблюдательности изслѣдователей непосредственно народн. творчества; оно взято лишь было для замѣны той основы, которая оказалась непригодною для слав. яз. и взято съ известною цѣлью — для виѣшней связи народн. творч. слав. съ греческ. метрикой, и это назначеніе оно призвано было выполнять лишь потому, что оказалось, хотя и виѣшнимъ образомъ, но все таки сходнымъ съ арзисами и тезисами.

Если сопоставимъ цѣль, ради которой, въ этомъ случаѣ, выступило на сцену удареніе, — съ тогдашимъ состояніемъ науки объ удареніи, особенно славянскомъ, то придемъ къ убѣждѣнію, что появленіе здѣсь ударенія, въ роли основнаго элемента, было дѣломъ совершенно случайнымъ, не имѣющимъ никакой органической связи съ основными законами языка слав.; а потому и признаніе за нимъ рѣшающаго значенія было едва-ли чѣмъ нибудь достаточно обосновано; надо думать, что такое признаніе еще менѣе соотвѣтствовало бы истинѣ, нежели признаніе греками, въ силу какого нибудь недоразумѣнія, тезисовъ и арзисовъ, съ которыми нѣкогда отождествляли слав. удареніе, — за основаніе ихъ метрики. У первыхъ представителей чисто тонической теоріи мы не находимъ, по крайней мѣрѣ, никакого ученія объ удареніи, кромѣ фактическаго заявленія, что оно въ слав. яз. есть; но вѣдь оно есть и въ другихъ языкахъ и даже въ греч.; почему же славянскому ударенію оказано такое предпочтеніе, (хотя бы сравнительно съ

греческимъ). У изслѣдователей этого періода, какъ слав. такъ и русскихъ, удареніе признается чѣмъ то готовымъ, какъ бы давнымъ давно уже доказавшимъ свое рѣшающее значеніе въ этомъ вопросѣ, и вся дальнѣйшая дѣятельность ихъ состояла лишь въ томъ, чтобы, принявъ удареніе за исходный пунктъ, отчасти сочинять правила, отчасти, руководясь наблюденіями надъ повторяемостью удареній, дѣлать выводы для характеристики народн. слав. творчества. Весьма понятно, отсюда, почему эти выводы отличаются такимъ разнообразіемъ и такъ часто порождаютъ споры и недоумѣнія; непостоянство и подвижность обыкновенного ударенія привело русск. изслѣдователей къ необходимости придавать имъ особые оттѣнки; такъ Перевѣлѣцкий называетъ его логическимъ, Классовскій—стихотворнымъ или тоническимъ; но сущность дѣла оттого не измѣняется, удареніе все таки продолжаетъ оставаться непостояннымъ, все таки продолжаетъ нарушать правила, установленные на основаніи только извѣстной группы образцовъ; и разстановка удареній, какъ начала не заключающаго въ себѣ самомъ никакого объединяющаго принципа, становится дѣломъ произвольнымъ, зависящимъ лишь отъ личнаго взгляда каждого изслѣдователя.

Въ трудахъ этихъ изслѣдователей наталкиваемся на споры о той или другой разстановкѣ удареній:

«Ты воспой, воспой,
Младъ жавороночекъ,
Сидючи весной
На проталинкѣ».

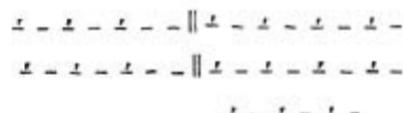
Восток., стр. 110.

«Ты воспой, воспой,
Младъ жавороночекъ,
Сидючи весной,
На проталинкѣ».

Шафран. Ж. М. Н. Пр. 1879 г., стр. 187.

Трудно рѣшить, кто изъ нихъ болѣе правъ...

Проф. Богишичъ въ своемъ сочиненіи «Народне пјесме из старијихъ, највише приморскихъ записа...», Беогр. 1878 г., характеризуя старинные длинные стихи сербск. эпич. поэзіи, даетъ для нихъ такую схему:

По поводу этой характеристики высказался проф. И. В. Ягичъ, разбирая въ своемъ «Arch. für slav. Philol.», приведенное выше сочинение Богишича¹⁾.

Проф. Ягичъ указываетъ на совпаденіе этой схемы съ предлагаемою Миклошичесмъ, который къ ней добавляетъ, что главное удареніе въ первомъ полустишии падаетъ на 5-й слогъ, а во второмъ на 7-й²⁾; съ своей же стороны профессоръ предлагаетъ нѣкоторыя измѣненія: такъ, онъ обстоятельно доказываетъ, ссылаясь на массу примѣровъ и на внутреннія, логическія основанія, что въ первомъ полустишии должно быть два ударенія, изъ нихъ одно на начальномъ слогѣ стиха, а другое на 5-мъ³⁾.

Цѣлый рядъ доказательствъ потребовался для того, чтобы установить основной признакъ для характеристики одной только извѣстной группы творчества. Можно смѣло предположить, что для каждого частнаго случая потребуются такія же доказательства, потребуются споры и, быть можетъ, безконечные; какимъ же образомъ можно ждать прочной характеристики и точно установленныхъ правилъ, основанныхъ на такомъ началѣ, которое само по себѣ уже является спорнымъ и ни на чёмъ почти не основанымъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣть возможности непосредственно его наблюдать, и неуловимымъ, разнообразнымъ, и, такъ сказать, капризнымъ — въ случаѣахъ доступныхъ наблюденію.

Можно допустить, что удареніе могло бы дать незыблѣмые устои для характеристики поэтическ. творчества въ тѣхъ языкахъ, которые представляли бы для этого больше данныхъ, связывая напр. удареніе нѣкоторыми предѣлами, заключая въ себѣ самихъ уже извѣстныя правила для его постановки. Слав. языки, на сколько извѣстно, такихъ данныхъ собою не представляютъ; «акцентовка» въ немъ «вольная»⁴⁾; а

1) V. Jagić, «Die sudslavische Volksepik vor Jahrhunderten». Bd. IV, st. 192.

2) Ibid., 197.

3) Ibid., 200.

4) За исключ. языка чеховъ, лужичанъ и поляковъ, «одномѣстная акцент. котор. явил. въ относ. поздн. времія». Брандтъ. «Начерт. слав. акцентолог.» Спб. 1880, стр. 9, сравни ibid. стр. 224.

«при вольной акцентовкѣ всѣ слоги считаются равноправными, и ни долгота ихъ, ни грамматическое значеніе не оказываетъ никакого вліянія на удареніе; вообще можно подмѣтить лишь нѣкоторые частные законы ударенія, но общаго закона не видно¹». Нужно думать, что эта то вольность слав. ударенія и послужила для первыхъ изслѣдователей поводомъ для замѣны тезисовъ и арзисовъ греческихъ; она же подала мысль управляться съ помощью удареній со стихосложеніемъ слав. и послѣ изчезновенія чисто греческой теоріи²); но съ постояннымъ возрастаніемъ и открытиемъ новыхъ областей народнаго творчества, она же, повидимому, является и камнемъ преткновенія для изслѣдователей позднѣйшихъ. «In der Volkspoesie, wie Herr Hankiewicz bemerkt, herrscht bezüglich der Betonung grosse Freiheit, die theils in den freien, der Melodie sich anschmiegenden Rhythmus, theils darin, dass das kleinruss. Volk die Silben des Liedes mehr zählte als mass, ihren Grund hat; ja es gibt auch Lieder, namentlich Dumen, wo auch die gleiche Silbenanzahl der Verse nicht festgehalten wird»³.

Основаніемъ системы должно бы служить нѣчто болѣе устойчивое, болѣе опредѣленное, нежели слав. удареніе, вопросъ о которомъ не только въ примѣненіи къ нар. творчеству, но и по существу представляется вопросомъ сложнымъ, труднымъ и окончательно еще не решеннымъ. «Zu den schwirigsten Fragen der Sprachforschung gehört unstreitig die über die Betonung. Um diese vollständig zu erfassen, muss man nicht nur Sprachforscher, sondern auch in der Physik und Physiologie einigermassen bewandert sein und ausserdem die Musik verstehen..... Gerade die Vielseitigkeit, die in diesem Falle von dem Sprachforscher gefordert wird, bringt es mit sich, dass auch in der subtilen Frage über die Betonung der Serbischen oder Kroatischen unter den besten Kennern dieser Sprache keine Uebereinstimmung herrscht». Такъ говорить Ковачевичъ въ своей рецензії по поводу

1) Ibid., стр. 6.

2) Самсоновъ: «Сic разнообразіе въ удареніяхъ, свойство односложныхъ быть и высокими и низкими и наконецъ удобность располагать слова въ различн. порядкѣ, произвели принятый яами родъ стихосложенія, въ коемъ высокіе съ низкими перемѣшаны въ опредѣленномъ порядкѣ». Вѣсти. Евр. 1817. Авг., № 15, 16, стр. 222.

3) Verchratskij. «Ein weiterer Beitrag zur Betonung im Kleinrussischen». Arch. f. sl. Phil., III, 390.

сочиненія Мазинга: «Die Hauptformen des serbisch chorvat. Accents» S.-Pt. 1876.¹⁾

Такая трудность решения вопроса об ударении и отсутствие единомыслия по этому предмету, заявляемая въ недавнее, сравнительно, время, едва ли могли дать право и логическое основание первымъ представителямъ чисто тонической теоріи ставить "ударение во главѣ слав. стихосложенія. Поводъ для нихъ былъ, въ этомъ случаѣ, какъ видѣли, виѣшнай и случайный.

Помимо своей, такъ сказать, ненаучности, недостаточной обоснованности, помимо своей подвижности, ударение и по результатамъ своимъ, кажется, оказалось бы мало удовлетворительнымъ; оно не въ состояніи было бы объяснить, напр. замѣчательное и характерное явленіе неуловимой и случайной неравносложности стиховъ славянскихъ. Недостаточность этой основы обнаруживается также въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ въ литературѣ подражать стиху народному; принимая въ расчетъ только ударение и правила на немъ основанные, получаютъ стихи, которые по виѣшнему виду, какъ будто и народныя, но для полнаго впечатлѣнія народности въ нихъ, все таки, чего-то недостаетъ; такъ не видно народности въ стихотвореніи Жуковскаго:

«Отуманилася Ида
Омрачился Илонъ,
Спить во мракѣ станъ Атрида,
На равнинѣ битвы сонъ».

Это стихотвореніе однако Переялльскій отнесъ къ числу написанныхъ народнымъ размѣромъ²⁾.

Не совсѣмъ удовлетворяютъ народности также и стихи Востокова, построенные имъ по своей тонической теоріи:

Изрѣченія Конфуція:

Пространству мѣра тройкая
Въ долготѣ безконечно простирается
Въ ширинѣ безпредѣльно разливается
Въ глубинѣ оно бездонно опускается....³⁾.

Конечно характерность, особенная рельефность ударенія въ слав.

1) «Arch. f. sl. Phil.», Bd. III, s. 685.

2) «Русское Стихосл.», стр. 59.

3) «Оп. о Р. Стихосл.», стр. 165.

нар. стихъ несомнѣнна, но она вѣдь и въ прозѣ народнаго говора проявляетъ такія же особенности; мы можемъ даже взять текстъ пѣсни и, сохранивъ тотъ же порядокъ словъ, сохранивъ ударенія, но написавъ лишь связно, безъ дѣленія на строки, можемъ получить народную прозаическую рѣчъ:

«Какъ досѣлъ у насъ, братцы, черезъ тѣмный лѣсь, какъ никтѣ-то у насъ, братцы не прохаживалъ, не прошархивалъ тутъ, братцы, ни ясѣнъ соколъ, не пролѣтывалъ тутъ, братцы, ни сизой орель, а какъ нынче у насъ, братцы, черезъ тѣмный лѣсь пролегла—лежитъ дороженька широбкая».

Это періодъ чистой народной прозы; но раздѣлимъ этотъ періодъ на строки,— передъ нами будетъ рѣчъ поэтическая значительно отличающаяся отъ только что приведенной:

«Какъ досѣлъ у насъ, братцы, черезъ тѣмный лѣсь,
Какъ никтѣ-то у насъ, братцы, не прохаживалъ,
Не пропархивалъ тутъ, братцы, ни ясѣнъ соколъ,
Не пролѣтывалъ тутъ, братцы, ни сизой орель,
А какъ нынче у насъ, братцы, черезъ тѣмный лѣсь
Пролегла лежитъ дороженька широбкая»¹⁾.

Безъ сомнѣнія, это поэзія; разница между чтеніемъ первымъ и вторымъ очевидна. Сравнительно съ ровною прозаическою, эта рѣчъ представляется болѣе выщуклою; всѣ оттѣнки ея выступили съ полною ясностью, она приобрѣла живость и необыкновенную выразительность. Въ чемъ же, однако, кроется причина такого перерожденія рѣчи? Очевидно, что дѣло не въ удареніи, которое не измѣнено, очевидно также, что это не зависитъ отъ порядка словъ, ибо и онъ оставленъ безъ перемѣны.

Значить есть нечто, вѣдь ударенія лежащее, что и способно сообщить рѣчи поэтическій характеръ.

Какъ это послѣднее, такъ и все предыдущее даетъ поводъ предполагать, что удареніе хотя и играетъ некоторую роль въ опредѣленіи слав. нар. творч., но роль эта не самая главная; все говорить за то, что назначеніе ударенія служебное; оно располагается известнымъ образомъ, но не само по себѣ, а во имя чего то другаго, вѣдь его

1) «Русск. нар. пѣсни», изд. для пѣнія и фортеп. Дан. Кашинскимъ 1834, I, стр. 107.

лежащаго, по требованиею какой то главной основы, руководящей всѣмъ складомъ поэтическаго народнаго творчества славянъ.

Вотъ тѣ соображенія, на основаніи которыхъ мы позволили себѣ, въ началѣ статьи, выразить сомнѣніе по поводу возможности обратнаго движения въ занимающемъ насъ вопросѣ, т. е. возвращенія къ тонической теоріи.

Если позволительно будетъ здѣсь высказать намъ личный взглядъ на положительную сторону разбираемаго вопроса, то мы сказали бы слѣдующее: безспорно, идея, руководящая первыми попытками къ объясненію слав. нар. творчества,— идея хорошая, и не смотря на полную ея неудачу въ прошломъ, жизненность ея проявляется и теперь. Г. Вестфаль, въ статьѣ: «О русской народной пѣснѣ», снова пытается всецѣло примѣнить греческую метрику къ русск. народн. творчеству, приступая къ дѣлу со стороны музыкальной; обосновываетъ онъ свою попытку слѣдующимъ: «никогда не было и нигдѣ на земномъ шарѣ нѣть поэзіи или музыки, о ритмикѣ которой можно было бы составить себѣ правильное понятіе иначе, какъ, приложивъ къ ней мѣрило греческой ритмики. Народъ эллиновъ отличается въ исторіи искусства именно тѣмъ, что у него какъ пластика, такъ и ритмика доведены до такой неизмѣримой степени совершенства, что все позднѣйшее искусство должно обращаться въ этомъ отношеніи къ Грекамъ, какъ учительство, отъ которыхъ оно далеко еще не всему научилось»¹⁾.

Не можемъ не согласиться, до пѣкоторой степени, съ такимъ воззрѣніемъ знатока греческой метрики; но кажется намъ, что примѣненіе греческой метрики во всей ея полнотѣ къ слав. творчеству повело бы къ тѣмъ же результатамъ, что и первая попытка 1794 года. Болѣе логичнымъ и болѣе основательнымъ было бы, по нашему мнѣнію, осуществить эту идею, «приложивъ» къ слав. творчеству, именно «мѣрило греческой метрики», какъ выражается самъ г. Вестфаль, т. е. долготу и краткость, и притомъ не въ періодѣ Аристоксена, когда эта долгота и краткость уже приняла специально греческую окраску, выработавшись на почвѣ этого языка; не въ періодѣ установленія «χρόος πρῶτος, βραχεῖα μούστρος» и «συλλαβὴ μάκρᾳ δίστρος», а въ періодѣ, когда эта долгота и краткость была еще «естественной», раз-

1) Русск. Вѣстн. Сент. 1879, стр. 128.

нообразной и собственно неизмѣримой¹⁾. Примѣненіе такой долготы и краткости къ славянск. нар. творчеству и попытка прослѣдить, какимъ образомъ эта долгота и краткость проявилась въ слав. творчествѣ, могли бы дать положительные результаты и объяснили бы многое. Мы позволяемъ себѣ это говорить на основаніи личнаго опыта, такъ какъ нами уже сдѣлана была именно такого рода попытка и въ 1879 году представлена въ Ист.-Фил. фак. Спб. Универс., которымъ и при-
нята была благосклонно²⁾.

1) Шафрановъ. Ж. М. Н. Пр. Окт. 1878, стр. 137.

2) Протоколы зас. Сов. Имп. Спб. Унив. № 21, стр. 153.

С.-Петербургъ. 30 Апрѣля. 1883 г.

— — — — —

EB_1883_SLAVFOND_SF4201

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Мая 1883 года.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)